

АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

ПОЭТИКА «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА» В РОМАНЕ Н. П. ЗАДОРНОВА «АМУР-БАТЮШКА»

Статья посвящена изучению романа Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» (1941) в аспекте «фронтирного подхода», а именно: ставит задачей осмыслить поэтику романа как поэтику географического пространства. В статье обосновывается мысль о том, что роман Задорнова об истории освоения Дальнего Востока русскими переселенцами формирует концептуальный образ родной земли, обусловленный аксиологической парадигмой отечественной культуры. Методологией исследования поэтики в романе становятся геопоэтический и «фронтирный подход», при которых главным является пространственный ракурс анализа художественного мира произведения. Актуальность исследования обусловлена общим подъёмом интереса к филологической регионалистике в отечественном литературоведении в последние десятилетия, а, кроме того, необходимостью привлечь внимание к творчеству яркого русского (советского) романиста, сегодня почти забытого.

Ключевые слова: Николай Павлович Задорнов, роман «Амур-батюшка», филологическая регионалистика, литературное краеведение, фронтирная поэтика, художественный мир произведения.

Keywords: Nikolai Pavlovich Zadornov, the novel “Amurbatiushka”, philological regionalism, literary regional studies, frontier poetics, artistic world of the work.

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01494, <https://rscf/project/23-28-01494>.

Николай Павлович Задорнов (1909–1992) — выдающийся русский (советский) писатель-романист, связавший своё творчество с Дальним Востоком.

Детские и отроческие годы писателя прошли в Забайкалье. По окончании средней школы длительное время деятельность его была связана с миром театра: он был актёром, режиссёром, заведующим литературной частью в театрах Сибири, Дальнего Востока, Уфы, Комсомольска-на-Амуре. Также рано началась писательская и журналистская деятельность Задорнова: с 1935 года он был литературным сотрудником различных газет Сибирского и Дальневосточного регионов («Белорецкий рабочий», «Советская Сибирь», «Красная Башкирия», «Тихоокеанская звезда»). Во время Великой Отечественной работал в Хабаровском краевом радиокомитете и в хабаровских СМИ.

Дальнему Востоку писатель посвятил девять исторических романов: это трилогия об освоении Приамурья: «Амур-батюшка» (1941), «Золотая лихорадка» (1946), «Далёкий край» (1949); трилогия об экспедиции адмирала Е. В. Путятина в Японию (1854): «Цунами» (1971), «Симода» (1980), «Хэда» (1980); романы об освоении морского пространства дальневосточных рубежей Российской империи: «Первое открытие» («К океану») (1969), «Капитан Невельской» (1956–1958), «Война за океан» (1960–1963), «Гонконг» (1982), «Владычица морей» (1988, не окончен).

Повествование строится с опорой на ключевые фигуры исторических процессов, среди которых реальные исторические деятели (Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьёв, Е. В. Путятин и ряд других), а также вымышленные собирательные образы русских людей. Для художественного своеобразия романов Задорнова характерны внимание к трудовой жизни народа, к быту, историко-культурная детализация, психологизм и использование внутренней речи — как важнейшие приёмы в раскрытии характеров. Для поэтики романного пространства Задорнова присущи привлечение историко-культурного материала, документов, гражданский пафос и политическая заострённость.

Задорнов обращался к теме национальной памяти, создавал «положительные образы» русского крестьянства, духовенства, военного дворянства — в 1940–1960-е годы, когда в оценках российского исторического прошлого были сильны классовые идеологические стереотипы, и в этом смысле многие образы и идеи, воплощённые писателем на страницах его произведений, требовали не только художественного таланта, но и гражданского мужества.

Исторические романы писателя до настоящего времени не получили осмысления, достойного масштабу его художественного мира: немногочисленные исследования

строились преимущественно в середине – второй половине XX века [см.: 3, с. 61–64] и сегодня почти забыты, как и сами произведения Задорнова. «Вернуть» писателя в историю отечественной литературы — важная задача, стоящая перед современным литературоведением.

Важность обращения к его романному наследию связана, во-первых, с ценностной, историко-культурной и историко-литературной значимостью его произведений. Задорнов обращался к веховым событиям отечественной истории, связанным с освоением дальневосточных рубежей России, и в этом смысле его историческая проза имеет общенациональное значение и особенно весома для создания картины развития истории и литературы на Дальнем Востоке. Романы Задорнова могут быть осознаны в контексте большого корпуса произведений о Дальнем Востоке, отражающих художественное и публицистическое осмысление дальневосточного пространства как природно-географического, этнокультурного, исторического.

Роман Задорнова «Амур-батюшка» рассказывает об истории русского переселения на Амур в 1854 году. В середине XIX века Амурский вопрос был одним из важнейших в русской государственной мысли наряду с событиями Крымской войны и крестьянской реформы. Экономическое и военно-политическое освоение Амура, развёрнутое Н. Н. Муравьёвым и командой его единомышленников, привлекло сюда много инициативных людей, для которых престиж России, упрочение её на восточных рубежах, её экономическое и политическое развитие стояли выше всего. Первым произведением в русской литературе XIX века, достоверно и масштабно осветившем вопросы русского переселения, стала книга писателя-этнографа С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур» [8]. Она была хорошо известна Задорнову и послужила источником ряда сюжетных решений, тем и образов романа (на это, в частности, обращала внимание филолог-краевед Г. В. Гузенко [см.: 2]).

В романе воссоздан обобщающий образ истории русского крестьянского переселения на Амур, однако историческую основу произведения составили конкретные события освоения амурских берегов и закладки села Пермского (1860 г., с 1932 г. — город Комсомольск-на-Амуре), известны фамилии реальных поселенцев (Силины, Кузнецовы, Барбановы, Бормотовы и некоторые другие). Задорнов был лично знаком с потомками первых поселенцев, наделил их фамилиями героев своего романа. Произведение писалось в 1939 году, когда село Пермское было «растворено» в городе на Амуре, некоторые потомки переселенцев были репрессированы как зажиточные, частично переехали на новые места [см.: 11] — таким образом, роман становился не только исторической эпопеей о русском крестьянском

освоении Амура, но и своеобразной данью памяти реальным людям и событиям.

Первая часть романа была опубликована в номерах журнала «Дальний Восток» в 1940 году. В 1952 году за создание исторических романов «Амур-батюшка», «Далёкий край» и «К океану» Н. П. Задорнову была присуждена Сталинская премия. Известна семейная легенда о том, что публикация романа «Амур-батюшка» была одобрена И. В. Сталиным, который увидел в тематике произведения актуальную геокультурную идею: «Задорнов показал, что эти земли исконно наши. Что они осваивались трудовым человеком, а не были завоёваны. Молодец! Нам в наших будущих отношениях с Китаем его книги очень пригодятся. Надо издать и отметить!» [см.: 9].

Роман Задорнова «Амур-батюшка» — это масштабное историческое полотно с большим количеством героев и персонажей и с разветвлённой сюжетно-фабульной линией. Художественная многомерность произведения позволяет выбрать различные стратегии его изучения: выявление проблематики произведения сквозь призму сюжетно-фабульного развития, анализ системы персонажей, нарративные характеристики, символично-мотивный анализ и т. д. В настоящей статье анализ романа предпринят в аспекте осмысления «фронтирной поэтики» произведения, что позволяет рассмотреть главную идею романа — освоение дальневосточного географического пространства русскими переселенцами.

Понятие «фронт», предложенное американским исследователем Ф. Тернером в конце XIX века для обозначения процессов колонизации Америки, в современной гуманитарной науке применяется расширительно — для обозначения географических и социокультурных процессов, происходящих на пограничных рубежных территориях иных регионов. Оправданно применение понятия «дальневосточный фронт» и для обозначения экономических и этнокультурных процессов, происходящих на дальневосточных рубежах России. Русское освоение дальневосточного пространства связано со взаимодействием людей с дикой природой, с межэтническим взаимодействием русского и аборигенного населения, с утверждением русской культуры на новых землях, с формированием нового типа национального характера [см.: 3; 10].

Прочтение романа «Амур-батюшка» в аспекте «фронтирного подхода» позволяет осмыслить его ключевую проблему: освоение дальневосточных пространственных рубежей. В этом аспекте ключевым является образ «земли».

Это ключевой концепт национального самосознания русского крестьянина. Народные пословицы и поговорки позволяют обозначить круг идей, включённых в общее смысловое пространство, объединённое со значением

«земля»: это идеи пропитания и самой жизни — «земля-кормилица»; труда — «земля труд любит», «Пахарю земля — мать, а лентяю — мачеха»; заботы — «без хозяина земля — круглая сирота». Важным аспектом является идея духовной связи человека и земли: «Человек живёт землёй, а земля красна человеком»; связи земли и Родины — «Нет земли лучше родины своей». С темой земли связана мечта о свободе и свободном труде на ней. Именно этот комплекс представлений многоаспектно реализуется в романе.

Путь на Амур становится для русского крестьянина мечтой о лучшей и богатой земле. Известно, что путь на Амур в народных представлениях был связан с утопическими легендами о праведных землях [см.: 12], а также с идеей странничества как поиска «Града Божия» [см., в частности: 7].

В романе «Амур-батюшка» сюжетной завязкой становятся эпизоды «слухов», «народной молвы» о далёких вольных и богатых землях. Образ Амура создаётся в характеристиках природного изобилия: «...в народе прошёл слух, что открыли реку Амур, которая течёт богатым краем, что там хорошая земля, зверя и рыбы великое множество, а населения нет и что туда скоро станут вызывать народ на жительство» [5, с. 8].

Маршрут на Амур опозитизирован и мифологизирован в народном сознании. Задорнов в форме лирического отступления создаёт образ дороги на Амур, который как бы вбирает образность народнопоэтических легенд о Беловодье и о поиске лучшей доли, символику русских песен о дороге-судьбе, о странниках и бродягах: «Велик путь сибирский — столбовая дорога. Пошагаешь по ней, куда достигнешь синих гор байкальских, насмотришься людского горя, наготы и босоты, и привольной жизни на богатых заимках. <...> Натерпишься ты холоду и голоду, поплачешь под берёзой над свежим могильным холмом, повалешься на телеге в разных болезнях, припалит тебя сибирским морозцем, польёт дождём, посушит ветром. Увидишь ты и каторгу, и волю, и горе, и радость... А более всего наглядись кривды, и много мимо тебя пройдёт разных людей — и плохих, и хороших» [5, с. 11].

Так, эпическая тема пути русских переселенцев на Амур обогащается в романе лирико-философским обобщением о трудном пути русского человека к Тихому океану.

Образ Сибири, через который проходит маршрут на Амур, формирует семантический контекст. В русском народно-поэтическом и литературном сознании образ Сибири романтизирован, обладает особым художественно-поэтическим комплексом значений, связанных с несвободой (каторгой, страданием), с темой покаяния и очищения, духовного преображения человека; важнейшей в образе Сибири является тема воли, свободы человека: отдалён-

ность от государственных надзорных властей открывает для человека возможность проявить личную внутреннюю силу и свободу [см., в частности: 1]. Путь на Амур в художественном пространстве романа Задорнова, таким образом, также приобретает комплекс значений, связанных с поэтикой сибирского пространства.

Концептуальное, целостное воплощение образа Приамурья как места труда и праведной жизни связано с главным героем романа, представляющим тип русского богатыря-хлебопашца, Егором Кузнецовым: «Егор, как человек, решившийся на переселение по убеждению и от души желавший найти для своей жизни новое праведное место <...> верил, что на заветной новой земле его ожидает что-то отменно хорошее. <...> Он мог бы ещё долгие годы брести, голодный и оборванный, ожидая, что когда-нибудь найдёт ладную землицу и привольную жизнь» [5, с. 23, 35].

На протяжении всего романа выстраивается образ фронтирного хронотопа, объединяющего (и одновременно противопоставляющего) «Расею», откуда двинулись русские крестьяне, приамурским землям. В отрицательных значениях «обжитая, покинутая родина» «Расея» противопоставлялась Дальнему Востоку, как «обжитое» — «необжитому, дикому». Новая земля воспринимается поселенцами как «край света», откуда «дальше идти некуда, и горше жизни быть не может» [5, с. 102].

Образ новых земель (Сибири, Забайкалья и Приамурья) как «чужого пространства» представлен, в частности, в следующих картинах, встающих в восприятии героев: «Больно вспоминались свои покинутые пашни и родная весна, совсем не похожая на здешнюю. Тут дикие камни, обросшие мхами и лишаями, каменные крутогоры с высочайшими “ветродуйными” рогатыми кедрочками, холодный ветер и казавшиеся хитрыми темнолицые люди. А по долинам и по дорогам — пески и сосны» [5, с. 12].

Мотив «дикого», «непригодного» для жизни места лейтмотивом проходит в романе, однако не в авторском слове, а как часть мировосприятия героев, как их внутренние размышления, монологи, разговоры и суждения. На всём протяжении романа формируется образ земли как лично-важный для крестьянина — это не географическое или экономическое пространство, но сама суть крестьянского мировосприятия.

Центральное место в создании целостного образа «дикой земли» занимает Амур, который предстаёт в восприятии переселенцев как могучая стихия, угрожающая и враждебная человеку: «Под Хабаровкой река заворачивала на север. <...> С низовьев подули ветры. Целыми днями по реке ходили пенистые волны, заплёскиваясь на паромы и заливая долблёные “арты”» [5, с. 18]; «Река стихала, она

катилась тихо и мерно... бескрайняя, как море, уходившая в безбрежную даль, сокрытую туманами и дождями. Мимо берега, переворачиваясь с боку на бок, пронеслись огромные голые лесины, коряги, карчи, щепы — остатки деревьев, разбитых невесть где, вынесенные горными речками в половодье» [5, с. 19].

Значимой характеристикой амурского «фронтирного хронотопа» становится отсутствие «русского жилья»: русские переселенцы должны строить новую жизнь в окружении природной речной и лесной стихии и редких поселений амурских аборигенов: «Иногда на берегах виднелись гольдские селения. Глинобитные фанзы с деревянными трубами и амбарчики на высоких свайках лепились где-нибудь по кособору близ проток в озёра. <...> Убогий вид гольдских жилищ никого на плотках не радовал» [5, с. 18]; «До самой вашей Додьги поплывём — русского человека на берегу не увидим» [5, с. 22]; «В Мылках, на нашей памяти, одни только гольды жили. Маньчжурцы эвон где, на той стороне жили — вернее сказать, иногда наезжали, останавливались напротив этой Мылки...» [5, с. 43].

С «фронтирным хронотопом» связана и тема природного изобилия новой земли: буйство флоры и фауны характеризует землю, нетронутую присутствием человека. «Внедрение» поселенцев в это пространство ставит их в неизбежное соседство с хищниками, заставляет выживать в этих условиях, не бояться дикой природной стихии, формирует новый тип отношения между человеком и природой: «Тут и соболю, и лисе, рысь, выдра — всякий зверь есть; только знай бегай шибче по тайге-то, она прокормит» [5, с. 23]; «Пенёк, гнилой и жёлтый, изъеденный муравьями, был разворочен медведем. Какая-то большая птица испуганно шарахнулась с ветвей и, шумно хлопая крыльями, улетела в лес, задевая за густую листву. Из буйной поросли папоротников и колючих кустарников вздымались корни... Роилась мошка, вздымаясь из раздвигаемых трав» [5, с. 39].

Природное изобилие, стихийная сила и опасность Приамурской земли активизирует в человеке природную смекалку, наблюдательность, авантюризм, физическую выносливость и бесстрашие. Вчерашний крестьянин на новом месте вынужден становиться естествоиспытателем, охотником, рыбаком — всё это расширяет горизонты человеческих возможностей, формирует новый характер — тип «человека фронта»: «Сопки, гнилые деревья, топкая земля и бурвал не скрыли от него богатства здешнего леса. Деревья, годные для построек и для любых поделок, росли тут в изобилии. <...> Это не лес, а богатство было перед ним, ещё неведомое. Земля, родившая буйные травы, чернотесье, ягодники и плодовую дичь, не могла, как ему

казалось, не родить хлеба. А чистить эту землю под пашню у него — он знал — хватит силы и решимости» [5, с. 49].

Сказовые элементы органичны в романе, выступают речевой формой, наиболее наглядно передающей народное сознание. Так, в «природоведческих» разговорах ярко проявляется и народное образное мировосприятие, и спокойное и мужественное отношение к дикому лесу, «миролюбивое» отношение к животным. «Дальше-то вон идут озёра. <...> Там рыбы этой!.. Как вода спадёт на лугах, как пересохнут протоки — собирай её руками. А где не возьмёшь — лужа высохнет, рыба гниёт грудями, птиц налетит тьма. Их пугнёшь — аж небо как овчиной накроет. <...> А гляди теперь в эту сторону... туда пошли зверятники, там и лось ходит, и кабан, лиса, рысь, соболь, паря, и тигра бывает — хватает всего! Рысь тут ха-арошая, голубая, пятнистая. Всех народов зверь есть. — Тигру шибко не бойся, она русского человека не трогает... Ты когда встретишь её, сам не трогай, и она, если не голодная, уйдёт, как человека с ружьём увидит» [5, с. 46].

Во внутренних монологах героев романа мотив контраста «своей родины» и «чужой земли» создаётся не только «пространственными» впечатлениями, но и временными, в которых объединяется мотив исторической и родовой памяти, личного опыта. Так антитеза «своей» и «чужой» земли обогащается мотивом духовной сопричастности: «своя земля» — это та, что одухотворена памятью, что связывает отдельного человека с духовной традицией предков. И в этом аспекте человеку недостаточно материального достатка или воли на новом месте, но необходимо формирование традиции, чувство своей сопричастности культурной памяти своих предков. Отсюда в романе сквозным мотивом проходит образ «окоренения», а антитеза «чужая — своя земля» приобретает различные оценочные значения, в зависимости от возраста персонажа.

Для молодого поколения трагедии отъединённости от «Расеи» не существует: их укоренённость связана с Амуром, с новым местом: «Егор просветлел. <...> “Да, Алёшке уж тут родина! <...> Моим детям уж тут родина”» [5, с. 529].

Для старшего поколения разрыв с традицией ощущается в большей степени трагическим. В романе этот трагизм разъединения с родной землёй связан с главой рода Кузнецовых, с дедом Кондратом, которому присуще чувство «отъединения» от «Расеи» и «иллюзорности» жизни на новом месте: «Ничто не радовало старика на новоселье. Здешняя жизнь казалась ему ненастоящей, словно она только снаружи была подделана под российский лад, а в сердцевине оставалась чужой и непонятной. Здесь всё было не так, как привык он видеть и понимать на родине. Он вырос и состарился на пашне, политой потом его отца и деда, и настолько привык за свои шестьдесят лет к родной

природе, что только её и считал настоящей. ...он не верил, что здесь земля будет долго родить хлеб. Снега тут таяли поздно, лето было жарче, чем на родине, зима студёней и ветреней; почва, где ни ступал дед на берег, всё лето оставалась мокрой; приметы погоды не сходились ни с одним праздником; ...богатства края — рыба, меха, леса — не радовали деда, словно он видел их в сказке или на картинке, а не наяву» [5, с. 187].

Главная идея романа — утверждение русской жизни на Амуре — реализуется не только в многочисленных сюжетных линиях, связанных с судьбами переселенцев, но и через эволюцию образа земли. Можно сказать, что «превращение чужой земли в родную» становится одной из сюжетно-мотивных линий романа. При этом на протяжении всего повествования этот образ-мотив обогащается, прирастая новыми природными, социокультурными деталями и ценностными значениями.

Прежде всего, роман наполнен эпизодами строительства на новой земле и возделывания пашни, огородов: «...кое-где уж строились избы; лес отступил от них дальше, на расчищенных от леса солнцепёках были разведены и обнесены частоколом обширные огороды; хозяйева разводили скот, сеяли хлеба, коноплю, гречиху, овёс» [5, с. 18]; «День за днём, от восхода до заката, переселенцы рубили и выжигали тайгу, корчевали пни и копали землянки в высоком обрыве берега. Понемногу край релки очищался от леса» [5, с. 57].

Важной линией романа является тема духовного освоения земли: от труда на земле, освящённого молитвой, до строительства храма: «Когда впервые на амурской земле взялся Егор за свою соху и пошёл за ней по корчёванной, но ещё дикой мокрой земельке... сердце мужика больно и радостно защемило, словно после долгой разлуки встретил он родного человека» [5, с. 246].

Образ земли, с которой «встречаются» как с человеком после разлуки, выявляет комплекс народно-поэтических представлений о земле, как о живом существе: «мать-земля», «невеста», которая ждёт своего «жениха» пахаря.

Полнота народной духовной традиции раскрывается в романе в сцене первой пашни, к которой готовятся, как к церковной службе — с омовениями, молитвами, в чистой и новой одежде: «Дед стал на колени лицом на восток, красневший за рекой, за еловыми лесами, и помолился. Затем он поднялся, проворно и быстро зашагал по полю, широкими привычными движениями разбрасывая семена из лукошка. — Батюшка, Никола-угодник, благослови семена в землю бросать! — приговаривал старик. — Борис и Глеб, уроди хлеб!..» [5, с. 247].

Если вспомнить, что эти сцены писались в конце тридцатых годов, в атмосфере борьбы с крестьянством и православными традициями, то становится очевидной внутренняя

смелость автора, обратившегося к изображению благоговейного, воцерковлённого отношения крестьянина к земле, показавшего это чувство как сущностную сторону русского национального характера.

Важными страницами формирования новой жизни на фронтальных землях становится опыт межкультурной коммуникации, приобретаемый поселенцами. Отношения с местными аборигенами (нанайцами (гольдами), китайцами, эвенками) составляют значительный пласт романного повествования, представлены сценами трагического, семейно-бытового, религиозного, комического характера.

Задорнов в романе создаёт убедительную картину постепенного формирования взаимного интереса русских поселенцев и амурских аборигенов: от непонимания и неприязни к сочувствию, взаимопомощи и дружбе. «За Усть-Стрелкой солдаты-сплавщики... указали китайскую землю. Разницы не было: и тут и там всё было одинаково, она ничем не отличалась от своей. <...> Егор ходил в деревню смотреть, как они живут» [5, с. 14].

Создавая сцены межкультурных контактов на дальневосточном фронтире, колоритные этнопоэтические зарисовки, в которых наглядно представлены сцены национального быта, костюмы, промыслы, язык, Задорнов проявляет себя как талантливый бытописец.

«Федюшка и Санка, обогрившись, выскочили из лавки и побежали на Амур к проруби. Там сидел горбатый седой гольд, одетый в коротенькую шубейку, и махал своим самоловом. <...> Ребята, оглядевшись, осмелели и подошли к рыбаку вплотную. Он... улыбнулся, показывая свой самолов. На короткой палке, на конце поводка, была прикреплена деревянная рыбка, обшитая мехом белки-летяги, а повыше её — железный крючок. Такого было всё устройство снасти. Старик оказался добрым. Слов его ребята не понимали, но он изобразил движениями, как щука играет с деревянной рыбкой и зацепляется жабрами или боком за прыгающий в воде остроконечный крючок. <...> С берега сбежали, направляясь к проруби, двое расторопных гольдят. Однако, разглядев чужих, они помчались обратно, и, как ни кричал им старик, они его не

слушали и скрылись в одной из фанз» [5, с. 110]. «Улугу стал часто ездить в Уральское. Понемногу Кузнецов и Улугу сдружились. Когда начались тёплые дни, Егор как-то показал гольду соху. — Вот это, брат ты мой калинка, называется соха! Соха! Понял? — Соха, — повторял гольд. Он теперь знал слова “соха”, “картошка” и многие другие. Понемногу гольд учился говорить по-русски» [5, с. 230].

Символично-поэтическим обобщением фронтального образа Дальнего Востока как части единого пространства России видится сцена в одной из итоговых глав романа, в которой ребёнок и старик читают поэму Пушкина «Медный всадник» [5, с. 646]. Задорнов создаёт смысловую переключку между образом Петра, стоящего «На берегу пустынных волн», открывающего западные горизонты России и строящего на болотах город, и образами и судьбами русских поселенцев, отрывших для России восточные рубежи.

Образ новой жизни, построенной у тихоокеанских берегов, становится смысловой параллелью к историческим событиям формирования Российской империи в начале XVIII века, но и является выражением евразийского взгляда на миссию России, соединившей на своей территории запад и восток.

Автор утверждает, что переселение на новую землю, освоение новой земли — это не социально-экономическая проблема, а духовная. Важно не просто «занять» землю, но и сохранить традиции, преемственность поколений, культуру, обычаи — всё то, что зовётся духом народа.

Роман Задорнова об истории освоения Дальнего Востока, помимо богатых историко-культурных, пейзажных, этнографических и психологических граней в изображении истории русского переселения на Амур, создаёт ценностно значимый образ дальневосточной земли, в котором важными являются «фронтальные характеристики»: отдалённость от Центральной России, экзотика природного и социокультурного мира, героический характер русского человека. Символично-поэтический смысл романа можно охарактеризовать как физический и духовный труд русских людей по преобразованию фронтального пространства русскими людьми в «родную» землю.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богумил, Т. А. Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул : учебное пособие / Т. А. Богумил. — Барнаул : АлтГПУ, 2017. — URL: <https://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf>. — Текст : электронный.
2. Гузенко, Г. В. П. Задорнов и его роман «Амур-батюшка» / Г. Гузенко. — Хабаровск : Частная коллекция, 1999. — 64 с.
3. Забияко, А. А. Язык, культура, литература дальневосточного фронта : учеб. пособие для магистрантов по направлению подготовки 45.04.01 / А. А. Забияко. — Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. — 272 с. — URL: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/11480.pdf (дата обращения: 10.09.2023). — Текст : электронный.
4. Задорнов Николай Павлович // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. Вып. 2 / сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Цинновская. — Хабаровск, 1989. — С. 61–64.
5. Задорнов, Н. П. Амур-батюшка : роман / Н. П. Задорнов ; худож. В. Н. Антонов ; послесл. П. Н. Богоявленский. — Хабаровск : Приамурские ведомости, 2008. — 664 с. — (Литературное наследие Приамурья).
6. Иванова, Л. М. Концепция дальневосточного фронта в современной российской историографии / Л. М. Иванова // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых учёных : сб. материалов Всерос. молодёж. науч. шк.-конф. — Новосибирск, 2016. — С. 256–263.

7. Лишова, Н. И. Русские странники в художественной литературе (на материале повести «Очарованный странник» Н. С. Лескова и очерка «За волшебным колобок» М. М. Пришвина) / Н. И. Лишова // Система ценностей современного общества. — 2010. — № 13. — С. 35–39.
8. Максимов, С. На Востоке : Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.) : дорож. заметки и воспоминания С. Максимова / С. Максимов. — Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. польза», 1864. — [4], 588 с.
9. Николай Павлович Задорнов : [рекоменд. список воспроизвед. изд.] / сост. В. И. Жукова. — Текст : электронный // Российская государственная библиотека для слепых : сайт. — URL: <https://rgbs.ru/tifology/pubs/nikolay-pavlovich-zadornov/> (дата обращения: 12.04.2025).
10. Поэтика «дальневосточного фронта» в русской литературе XIX–XX веков : [коллектив. монография] / О. Н. Александрова-Осокина, Т. В. Васильева, К. А. Верещагина, Хуан Цзянь, Ван Юцзюань ; под общ. ред. О. Н. Александровой-Осокиной ; М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Тихоокеан. гос. ун-т. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2024. — 199 с.
11. Сидоров, Е. Они были первыми / Е. Сидоров. — Текст : электронный // Дальневосточный Комсомольск : офиц. сайт. — 2024. — 27 авг. — URL: <https://dvkomsomolsk.ru/2024/08/27/oni-byli-pervymi/> (дата обращения: 12.04.2025).
12. Чистов, К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. / К. В. Чистов ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва : Наука, 1967. — 339 с.

Материал поступил в редакцию 17.04.2025.

Сведения об авторе: Александрова-Осокина Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: osokina-11@mail.ru.